

ТЕНЬ КАРНАВАЛА

Простые люди

БОРИС ДИЦ
Повесть и рассказы

Борис Диц

Тень карнавала. Простые люди

Издательство «Четыре»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Диц Б.

Тень карнавала. Простые люди / Б. Диц — Издательство
«Четыре», 2026

ISBN 978-5-908165-75-4

Книга состоит из двух частей. Повесть «Тень карнавала» — ироническая притча о власти и искушении. Мэр Рыбаков встречается мистического графа, который обещает ему великое будущее. Но амбиции мэра разбиваются о реальность. «Простые люди» — истории о тех, кто рядом: ворчливом гражданине, участковом, пенсионере с собакой. Мистика соседствует с бытом, абсурд — с повседневностью. Книга будет интересна для взрослых, ценящих сатиру, мистику и прозу, где за смехом скрывается размышление о жизни. В книге присутствуют сцены распития алкоголя и табакокурения.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-908165-75-4

© Диц Б., 2026
© Издательство «Четыре», 2026

Содержание

Тень карнавала (Повесть)	6
1. Граф	6
2. Мэр милостью народной	9
3. Заморские гости	10
4. Кто заказывает музыку	12
5. Гений папье-маше	14
6. Шубин и прочая нечисть	16
7. День шахтёра	17
8. Карнавал	19
9. Шахтёры	21
10. Углеслав – это не Рио-де-Жанейро	22
Простые люди (Рассказы)	23
Ворчливый гражданин	23
Необычный фасон	24
Непустяшный пустяк	26
Чудное явление в вокзальном буфете	28
Нервная профессия	30
Белая ночь	32
Подкаблучник (Рассказ Афанасия Бадуркина)	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Борис Диц
Тень карнавала. Простые люди

© Б. Диц, текст, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

Тень карнавала (Повесть)

1. Граф

Пересекая границу «Сирет» в Сучаве, мэр Рыбаков вспомнил тот далёкий полдень, когда в Рио-де-Жанейро он встретил человека с глазами разного цвета: левый – нежданного золота, каким бывает налёт на зубах нерегулярных курильщиков, правый – голубой, как небо в ясный день.

Рыбаков прибыл в Бразилию с официальным визитом в составе внушительной делегации: депутаты, министерские чины, крупные предприниматели. Он уже плохо помнил, как именно столкнулся с этим иностранцем на набережной и о чём вышел разговор. Помнил только, что тот представился графом и от него остро пахло серой, дорогим лосьоном «Коти» и многовековым богатством.

Один глаз незнакомца косил так сильно, что он мог смотреть сразу на двух человек, находящихся на изрядном расстоянии друг от друга. И когда граф впервые удостоил Рыбакова таким взглядом, тому показалось, что нечто осязаемое проскользнуло сквозь него, оставив внутри лёгкое ощущение сквозняка. Он невольно оглянулся – за спиной никого не было.

Во всём остальном граф был безупречен: манеры, безукоризненный выговор, тонкое знание русского языка. Говорил он с едва заметным акцентом, свойственным иностранцам, выросшим в эмигрантских дворянских семьях. Возраст его словно потерялся между молодостью и старостью. Одет он был, несмотря на зной, в белоснежный льняной костюм, при трости.

С ним была спутница, молодая женщина нечеловеческой красоты. Платье её играло под каждым дуновением ветра: то отливало чёрным, то вспыхивало бордовым, то мерцало серебром. Ткань, строго облегающая фигуру, в следующий миг расступалась, открывая прелестную ножку. Она молчала, но её взгляд – скользящий, изучающий – то и дело возвращался к лицу Рыбакова, задерживаясь на нём чуть дольше, чем требовалось. У мэра осталось смутное предчувствие, что сначала он заметил именно её, и лишь потом в его жизни материализовался граф.

Шёл второй день Карнавала. Воздух над авенидой так загустел от зноя и праздничного безумия, что уличные собаки попрятались в глубокую тень домов, жадно хватая горячий воздух.

– Граф Тинебрас, – представился аристократ, слегка наклонив голову. – А это Нулла, мой секретарь.

– Очень приятно. Рыбаков Василий Владимирович, – представился мэр и почему-то густо покраснел.

Издали донёсся гул барабанов.

– Как вы находите карнавал в этом году? По-моему, он значительно хуже, чем в прошлом.

Рыбаков, который из-за протокольных заседаний не видел ничего, кроме вида из окон отеля, честно признался:

– К сожалению, ещё не успел посмотреть.

– Вы не были на открытии? – Граф прикрыл рот, изящно зевая. – Впрочем, вы немного потеряли. Сейчас сами убедитесь.

Граф коротко ударил тростью об асфальт:

– Как раз идёт карнавальная колонна.

Они стояли на тротуаре, и вдруг мостовую затрясло от ударов барабанов. Вокруг мгновенно, словно из-под земли, выросла толпа.

– Как скучно, – вздохнул граф. Он повернулся к Рыбакову, и его косящий глаз на мгновение блеснул фотовспышкой. – Я рад, что встретил вас. Вы – необычный человек. Я немного понимаю в людях. У вас большой потенциал. Вас ждёт великое будущее.

– Вы мне льстите. – Рыбаков отступил на шаг от оглушительного грохота батареи барабанов. – Я просто... чиновник из шахтёрского края.

– Я немного предсказатель, умею предугадывать события. – Граф приподнял бровь и стал негромко бормотать под нос: – Сатурн в пятом доме... ретроградный Меркурий... Две тысячи тринадцать, складываем цифры, добавляем дату... Итак: один – сто реалов, семьдесят семь – красное перо, четыре – птичий помёт.

В этот момент мимо них проплыла первая платформа. На ней раскачивался мужчина в костюме из золотых листьев с бутфорской головой льва и швырял в толпу горстями что-то блестящее. Рыбаков увернулся, а граф ловко поймал один из предметов. Это оказалась большая конфета в фольге.

– Прошу, разверните. Для чистоты эксперимента.

Мэр развернул обёртку. Внутри вместо карамели лежала хрустящая купюра в сто реалов. Рыбаков замер, глупо улыбаясь. А все вокруг возмущённо ругались, швыряя под ноги пустые фантики.

– Вы волшебник, граф! – Рыбаков протянул ему деньги.

– Оставьте себе, это сувенир. Но давайте понаблюдаем за номером семьдесят семь. Уверен, это красивейшая женщина на свете.

Музыка накрыла их с головой. Танцовщицы самбы шествовали мимо, стуча каблуками, и мэр, задыхаясь от жара, запаха пота и приторной сладости парфюма, уже забыл о чудном прогнозе. Но тут предпоследняя участница – высокая мулатка – обронила пышное красное перо. Оно упало на асфальт там, где кончалась тень от пальмы, и ветерок заставил его пылать, как живой огонь. Перо покатилося прямо к туфлям мэра.

Рыбаков наклонился, чтобы поднять его, и в ту же секунду ему на затылок шлёпнулся птичий помёт.

– Чёрт! – воскликнул он, задирая голову. Над авенидой ровно по квадрату кружили четыре крупные птицы.

Граф сочувственно улыбнулся и предложил промочить горло в ближайшем кафе. Рыбаков хотел было отказаться, сославшись на то, что его ждут коллеги, но очаровательная Нулла промурлыкала что-то настолько приятное, что мэр сам не заметил, как оказался за столиком с бокалом ледяного коктейля.

Они говорили о зное, о местной кухне, о психологии масс...

– Простите, сеньор Рыбаков, так и не спросил, – граф наклонил голову, косящий глаз снова дал блик, – кем вы трудитесь в своей далёкой стране?

– Я мэр, – ответил Рыбаков и смутился, будто признавался в чём-то неприличном. – Город Углеслав. Столица шахтёрского края.

– Мэр... – протянул граф, словно пробуя слово на вкус. – Это многое объясняет. У меня есть очень могущественные друзья, Василий Владимирович. Они ищут перспективный город для крупных инвестиций. Мирового уровня. Мне кажется, ваш Углеслав может их заинтересовать. Пожалуй, заеду как-нибудь. Посмотрю на ваших людей.

Рыбаков поперхнулся коктейлем. Вместо дежурного «будем рады сотрудничеству» он вдруг быстро, суетливо затараторил:

– Приезжайте! Обязательно приезжайте! У нас, конечно, не Рио, но город большой, современный. Посмотреть есть на что! Уголь, металл, производство, люди толковые! Природа замечательная – охота, рыбалка...

Рыбаков вдруг понял, что приглашение его звучит слишком навязчиво. Словно просьба об одолжении.

– Но мне пора, извините.

Он поднялся. Граф тоже встал и крепко пожал ему руку:

– До свидания, сеньор Рыбаков. Мы ещё встретимся. Обязательно встретимся.

2. Мэр милостью народной

Шахтёрская столица давно уже не выдавала на-гора прежних миллионов тонн «чёрного золота». В министерских отчётах Углеслав деликатно именовали «территорией перспективного развития», а в народе – «городом славы без угля».

Как у любого областного центра, у Углесева были свои успехи и свои проблемы. Успехов было немного: медленно растущее за счёт мигрантов население да новенький стадион на пятьдесят тысяч мест. Зато проблем было выше крыши: дырявый асфальт, текущие кровли «хрущёвок», сухие деревья и недостаток денег для субсидий пенсионерам.

По сути, как везде.

И весь этот воз тянул на себе он – Василий Владимирович Рыбаков, мэр милостью народной. Десять лет. Два срока. Две намеренно упущенные возможности уйти на повышение в губернаторы – не захотел бросать город. Здесь за него голосовали даже те, кого он лично лишил субсидий, а на областном уровне играли совсем другие силы.

О нём даже была написана книга. Какой-то бездарный местный писака, которому Рыбаков помог с изданием то ли из жалости, то ли из тщеславия, выпустил опус «Мэр милостью народной». Книгу никто не читал, кроме жены Рыбакова и его замов, да и те не осилили до конца. Но название прилипло. Сначала как лезть, потом – как лёгкая насмешка.

Рыбаков родился в Углесеве и был, можно сказать, плотью от плоти этого города. Народ его терпел. Народ его переизбирал. Народ шёл к нему в кабинет плакаться на произвол ЖЭКов, а он вызывал начальников и устраивал показательную порку.

Проблемы Углесева не отпускали его даже на отдыхе. Сидит он с удочкой на частном пруду, клюёт крупный лещ, а Рыбаков смотрит на поплавок, на небо, откуда вот-вот сорвётся дождь, и думает: «Крыши в девятом квартале текут – это же колоссальные деньги, где их взять?» И если пойманную рыбу тем временем тихо воровал приبلудный кот – мэр даже не замечал его, прикидывая цифры.

Или на охоте. Кабан выскакивает из кустов – жирный, злой, идеальная мишень. Рыбаков медленно опускает ружьё: «Надо дорогу к даче прокурора заасфальтировать, а то скорая не проедет, а у него мать сердечница...» Кабан уходит. Егерь в шоке.

Даже в бане с губернатором и судьёй, под веники и стоградусный пар, разговоры шли только о цифрах, подрядах и благоустройстве.

Однажды жена спросила его:

– Вася, ты когда-нибудь отдыхаешь?

Он подумал и со вздохом ответил:

– Отдыхаю. На похоронах. Когда на кладбище тишина, все молчат и только родные плачут.

Рыбаков слыл хорошим хозяйственником. Ходили слухи, что он присваивает средства, – но, возможно, их распускали недруги: никто ни разу не поймал его за руку. Он латал теплотрассы, выбивал копеечные надбавки, лично стоял в резиновых сапогах на строительстве котельной, когда подрядчик сбежал с авансом, а зима настойчиво вступала в свои права.

И он смертельно устал.

Иногда, закрывая глаза в рабочем кресле, он видел идеальный город: с гладким асфальтом, крышами с флюгерами-петушками и карнавалом...

Встреча со странным графом в Рио казалась Рыбакову смутным сном. Но слова о великом будущем всё ещё звучали в голове, заставляя сердце сбиваться с ритма.

3. Заморские гости

Граф сдержал слово. Он прилетел через три месяца, в апреле. Углеслав встретил гостя мелким холодным дождём. Граф спустился по трапу частного лайнера в обществе Нуллы и молчаливого здоровяка очень низкого роста, почти карлика, который нёс два огромных крокодиловых чемодана.

Рыбаков примчался в аэропорт на чёрном административном «Мерседесе» с кортежем из полицейских машин с включёнными сиренами. Он бросил всё: даже экстренное совещание по ремонту ливнёвок, которое сам же и созвал утром.

– Граф! – Рыбаков выскочил к трапу, чуть не поскользнувшись на глянцевом от влаги асфальте. – Как я рад!.. Видеть вас и вашу спутницу!

– Взаимно, сеньор Рыбаков. – Граф подставил лицо мелким каплям. Мэру показалось, что вода не смачивает его кожу, а стекает, как с восковой фигуры. – Какой чудесный, меланхолический дождь.

Рыбаков улыбнулся и, широко раскинув руки, подставил ладони дождю.

– Да, да! – поспешно кивнул он. – Дождь просто замечательный!

Нулла едва заметно улыбнулась уголками губ. Карлик с чемоданами остался неподвижен.

Гостей усадили в машину, и кортеж двинулся в центр, завывая сиренами на трёх нотах. Встречные машины испуганно прижимались к обочинам; один таксист, уходя от министерских мигалок, аккуратно съехал в кювет.

Рыбаков с переднего сиденья непрерывно оборачивался и комментировал:

– Вот это наш новый торговый центр. Там стадион, скоро сдаём. А это бизнес-центр «Углеслав-Сити». Чуть дальше ресторан «Виктория», там мы с прокурором часто обедаем. Туда и едем.

Город за окном был таким, каким и должен быть областной центр. Типовые девяти- и шестнадцатизэтажки, современные кварталы, сверкающие стеклом, разноцветные магазины, рабочие на остановках, мамы с детишками, пенсионеры на скамейках.

Граф внимательно смотрел по сторонам. Нулла молча поправляла замшевую перчатку.

– Хороший город, – негромко произнёс граф. – Добротный. Без ложного пафоса.

Рыбаков расплылся в улыбке.

Графа поселили в «Гранд-Отеле» – старой, но приличной пятизвёздочной гостинице, где в своё время останавливались высокие иностранные делегации и известные музыканты. Вечером мэр устроил банкет в закрытом зале «Уголька». Осетрина, балыки, икра, запечённые поросята – столы буквально ломились.

Собралась вся местная элита: председатель горсовета Владимир Пузырь (человек, чья комплекция полностью оправдывала фамилию); директор шахтоуправления Аркадий Бендер (однофамилец великого комбинатора, чем страшно гордился); глава профсоюза горняков Трофим Ильичёв – пухлый седой старик; главный архитектор города с синюшным лицом и мешками под глазами и начальник УВД, который наблюдал за всеми и курил.

Граф долго осматривал собравшихся своим страшным косящим взглядом. И вдруг Рыбаков с тревогой заметил, что граф зевает. Он поднялся и объявил: «Граф с дороги, дадим ему отдохнуть». Гости, прощаясь, потянулись к выходу. Когда все разъехались, граф остался с мэром один на один. Нулла бесшумно разливала густой кофе в крошечные фарфоровые чашки.

– Ну как вам наши люди? – с надеждой спросил Рыбаков, откинувшись на спинку кресла.

– Хуже, чем я ожидал, – отрезал граф.

Рыбаков сдулся, словно из него выпустили воздух.

– Холуи и провинциальные жулики, – меланхолично сказал граф. И принялся перечислять, загибая пальцы: – Пузырь – дурак. Бендер – мошенник. Профсоюзник – ходячий труп.

Архитектор – законченный алкоголик. С ними великих дел не сделать. С такой командой вы не станете президентом.

Последнее слово граф произнёс так обыденно, будто говорил о прогнозе погоды. Рыбаков вздрогнул. Президентом? Он никогда не признавался себе в этой амбиции, но сейчас его сердце бешено заколотилось.

– Но я и не думал... – пробормотал мэр.

– Думали, – пригвоздил его граф правым голубым глазом, пока левый золотой смотрел куда-то в стену. – Просто боялись себе признаться. У вас будет своя партия. Настоящая сила. Но для этого вам нужно стать публичным лидером национального масштаба. Человеком, о котором говорит вся страна.

Рыбаков затаил дыхание.

– Нужно событие. – Граф тонко улыбнулся. – Грандиозный прецедент, карнавал уровня Рио-де-Жанейро. Прямо здесь, в Углеславе. Представьте себе этот медийный взрыв: телевидение, газеты, стримы. Вы – народный мэр, подаривший людям сказку среди серых будней. Идеальный трамплин в высшую лигу.

– Но в бюджете нет денег, – прошептал Рыбаков. – У нас крыши текут, теплотрассы на ладан дышат...

– Крыши... – Граф поморщился, как от зубной боли. – Крыши никого не интересуют. На ремонте крыш политический капитал не построишь. А вот на перьях, золоте и фейерверках – легко. Деньги найдутся, – небрежно отмахнулся он. – Бизнес поможет. Друзья. В конце концов, это замечательные инвестиции, не так ли?

Рыбаков хотел спросить, чей именно бизнес и чьи друзья помогут, но промолчал. Соблазн был слишком велик.

– Когда начинаем? – спросил он.

Граф поднял чашку. Кофе в ней был густым и чёрным, как жидкий антрацит.

– Уже начали, – ответил он.

4. Кто заказывает музыку

Перемены произошли незаметно. Сначала граф просто присутствовал на совещаниях как «международный консультант». Но однажды мэр вернулся с обеда и обнаружил, что иностранец сидит в его личном рабочем кресле – массивном, с высокой спинкой, обтянутом дорогой кожей. С этим креслом он уже сросся за десять лет. Граф спокойно листал проект годового бюджета.

Страницы с грифом «Для служебного пользования» шелестели под его длинными пальцами.

Рыбаков открыл было рот, чтобы возмутиться, но вдруг телефон на столе издал низкий, вибрирующий сигнал – прямая связь с аппаратом высшего руководства. Рыбаков снял трубку:

– Да, слушаю.

– Василий Владимирович? – Голос на том конце был гладкий, масляный, знакомый, и интонация – та самая, от которой у мэра заныло под ложечкой. – Звоню вам по поручению... ну, вы понимаете. Нам известно о визите в ваш регион иностранца графа Тинебраса. Настоятельно рекомендуем вам, Василий Владимирович, оказывать ему полное содействие. Во всём. Он – человек с очень широкими полномочиями. Очень широкими. Вы нас поняли?

Рыбаков хотел спросить, кто именно «рекомендует», но в трубке уже гудели короткие гудки. Он медленно положил трубку и посмотрел на графа.

– Удобное кресло, – заметил граф, не поднимая головы. – Вы не против, Василий Владимирович? Отсюда вид из окна лучше.

Из горла мэра вырвалось лишь покорное: «Да-да, конечно». Он послушно сел за приставной столик – туда, где обычно давал взбучку своим подчинённым. С этого дня тот столик стал его постоянным рабочим местом. Граф фактически возглавил администрацию города.

Секретарша Раиса Максимовна, пережившая на своём веку четырёх градоначальников, при виде этой картины охнула, но промолчала. У неё было звериное чутьё на того, кто реально «заказывает музыку».

Вскоре в Углеславе начали происходить странные, необъяснимые события. По городу поползли зловещие слухи – один страшнее другого.

Фонари на Центральном проспекте стали изливать странный, мертвенно-голубоватый свет, лица прохожих казались синюшными, трупными; люди пугались собственного отражения и старались быстрее пробежать это место. Электрики лишь разводили руками: «Всё по смете, лампы новые, импортные».

В шахтах зашептались о Шубине – злом духе недр. Забойщики клялись, что в дальних штреках слышны тяжёлые, астматические вздохи и шаги. Старые проходчики крестились: «Шубин проснулся. Не к добру это, помяните моё слово».

На детских площадках по ночам сами собой раскачивались качели. Они жутко скрипели, карусели медленно крутились, а песок в песочницах до утра сохранял странное тепло, словно в нём только что кто-то возился. Молодые матери стали обходить эти дворы стороной.

Из пустых окон недостроенного «Углеслав-Сити» по ночам лился ядовито-неоновый свет, хотя кабель туда даже не был проложен. В самом «Гранд-Отеле» коридоры стали длинными, словно раздвинулись в пространстве. Пожилая горничная Антонина заблудилась на третьем этаже и была найдена через сутки в подвале: она молилась на поржавевший вентиль, утверждая, что из лифта вышел огромный серый волк в галстук-бабочке. А таксисты уже с неохотой ехали в центр после десяти вечера – поговаривали, что по дорогам бродит абсолютно голая женщина невероятной красоты, увидев которую, водители мгновенно теряли контроль над машиной.

Граф лишь отдавал приказы, ничего не объясняя, и Рыбаков безропотно их подписывал.

– Василий Владимирович, где предварительная смета на карнавал?.. И кто будет ответственным?

– Ильичёв, он у нас по культуре... И Гуцин – наш внештатный худрук.

– Завтра всех ко мне. И урежьте расходы на социальную сферу. Инвалиды подождут. Пенсионеры тоже. Карнавал – это наше общее будущее.

– Но граф, как же люди?..

– Вы хотите в президентское кресло, Василий Владимирович? Или вам нравится латать гнилые трубы до конца дней?

Рыбаков хотел большего. Подняться выше мэра, пусть даже легендарного, – и выше губернатора. Гораздо выше.

Он подписывал переброску средств с ремонта теплотрасс на закупку тысяч страусиных перьев по цене двух городских автобусов. Согласовывал аренду звукового оборудования, стоимость которой равнялась строительству новой модульной котельной.

А граф качался в его кресле и улыбался. Иногда его разноцветные глаза вспыхивали. И Рыбакову казалось, что он смотрит не на графа, а в две дыры, ведущие в бездну.

Особенно в городе боялись Нуллу. Она появлялась в самых неожиданных местах: её видели в городском морге, где она якобы «искала потерянную серёжку», в центральном роддоме – она подолгу всматривалась в младенцев через стекло палаты интенсивной терапии, а также на рассвете у старого моста. У стариков, встретившихся с ней взглядом, в тот же день случались инсульты, а молодые люди слепли на несколько дней.

Рыбаков тоже слегка побаивался её – всякий раз, когда она появлялась, по спине пробегал неприятный озноб. Безмолвная, она тенью скользила по полу с письмом или поручением – всё подмечала и пересказывала графу.

5. Гений папье-маше

За два месяца до Дня шахтёра Рыбаков провёл расширенное заседание городского актива. В набитом до отказа актовом зале администрации, в спёртом воздухе, пахнущем потом и женским парфюмом, собрались директора предприятий, главы районов и владельцы торговых сетей, руководители ДК и творческих коллективов. Граф сидел во главе стола, лениво поправляя золотые запонки.

– Господа! – Рыбаков нервно одёрнул пиджак. – Наш город – индустриальный гигант с миллионным населением и героической историей. Город шахтёров. Город трудовой славы. Наши люди трудолюбивы и талантливы, и, я уверен, все согласятся со мной: они заслужили настоящего, большого праздника международного уровня! Мы устроим карнавал, какого страна ещё не видела. Чем наши шахтёры хуже бразильцев?

В зале поднялся глухой ропот. Кто-то натужно закашлялся. Директор шахтоуправления Бендер скептически скрестил руки на груди.

Граф медленно поднялся. Говорил он тихо, но его голос слышали в самых дальних рядах:

– Инвестиции не приходят в серые города, господа. Инвестиции любят движение. Мои американские партнёры очень внимательно наблюдают за регионом. Если они увидят, что Углеслав способен на событие мирового масштаба, сюда зайдут миллиарды долларов. Если нет... что ж, мы найдём другую область.

Молодой и шустрый замдиректора одного из заводов первым вскинул руку:

– Мы в деле! Поддержим инициативу мэра!

За ним потянулись остальные. Бендер молча хмуро кивнул. Собрание единогласно постановило: карнавалу быть, привлечь к подготовке все городские силы и средства.

С этого момента Рыбаков жил только карнавалом. Его больше не волновали пенсионные дотации, недостроенные пандусы для инвалидов и текущие крыши. С утра до вечера он с оргкомитетом обсуждал перья, платформы и шествия.

Ответственным за техническую часть назначили начальника департамента культуры Виктора Ильичёва, кстати – бывшего шахтёра, который увидел в карнавале возможность сделать для людей большой и радостный праздник. Художественным руководителем стал Александр Гущин – внештатный сотрудник департамента: художник и скульптор, человек деятельный и увлечённый, которого, как сказал графу мэру, «надо вовремя останавливать – его фантазии нет пределов».

Танцевальных школ самбы в городе не было, поэтому под мобилизацию попали студентки местных вузов. Они стеснялись, плакали, не хотели танцевать почти раздетыми.

– Мы не в Рио, – вздыхал Ильичёв, вытирая платком вспотевшую лысину. – У нас шахтёрский край, у наших девушек стыдливость в крови.

Но задание мэра нельзя было не выполнить. Студенток уговаривали посещать репетиции, соблазняя перспективой досрочной сдачи зачётов и закрытием сессии «автоматом».

Совещания проходили с утра до вечера каждый день. Граф и мэр требовали идеальной картинки: то гигантский корабль Петра Первого с чернокожими арапами, то повозку гномов («Гномы – те же шахтёры, это символично!»), то цыганский табор, то русских богатырей. Гущин приносил эскизы утром, а к вечеру концепция менялась на противоположную. Наброски колонн напоминали безумный калейдоскоп: казаки превращались в папуасов, пиратские бочки – в райские острова, корабельные мачты – в тропические пальмы.

Гущин не шёл на перерывы, не курил на месте, он лишь тихо, исступлённо матерился, перерисовывая платформы в двадцатый раз.

Самой большой проблемой стали гигантские пятиметровые лебеди из папье-маше. Мэр требовал, чтобы они были белоснежными, величественными, а за ними на ходулях должны были идти Иванушка и Алёнушка. Сами птицы монтировались на базе грузовых «КамАЗов», задекорированных под зеркальные озёра.

– Бред сивой кобылы, – шептал Гуцин Ильичёву после очередной коллегии. – Я-то сделаю. Но всё внутри меня восстаёт против этого.

Исполнителя лебедей не нашли. Из пенопласта лебеди получались ненадёжными – крылья могло оторвать ветром. Поэтому Гуцин сам взялся за них – сделать старым, испытанным способом: из бумаги, проволоки и клея. Рыбаков лично похвалил скульптора перед графом: «Он у нас гений папье-маше, лучшего не найти».

Он ваял лебедей прямо в своей трёхкомнатной квартире. В основном по ночам. Жене, теще и двоим детям пришлось вчетвером ютиться в двух комнатах; третья превратилась в творческую мастерскую. Воздух в доме пропитался запахом клея ПВА, сырой бумаги и раскалённого феном воздуха. Соседи неистово стучали по батареям – он мешал спать, дети ходили испачканные в клейстере, но лебеди росли, расправляя огромные бумажные крылья.

Заводы тем временем монтировали металлоконструкции, швейные цеха в три смены строчили кричаще-яркие костюмы. Город старался изо всех сил, чтобы, как сказал граф, «из сказки сделать быль». А по дворам, по кухням, как чёрные тараканы, продолжали плодиться жуткие слухи.

6. Шубин и прочая нечисть

Слухов стало столько, что их не пересказывал только ленивый.

О злом духе Шубине говорили не только в шахтах. Его присутствие ощущалось и на металлургическом заводе, где вдруг свистела доменная печь, и в старых котельных, где неистово гудели трубы.

Над шахтоуправлением трое суток кружили грачи. Тысячи. Сидели на крышах, не издавая ни звука.

В реке у старого моста за неделю утонули трое. Водолазы тел не нашли. Рыбаки клялись, что видели на рассвете голую белую женщину с распущенными волосами, которая заходила в воду и растворялась.

– Нулла это, – шептали на рынке.

А у ворот «Гранд-отеля» каждую ночь сидел волк – ростом с карлика, серый, с жёлтыми умными, почти человеческими глазами. Смотрел на окна графа. Пули проходили сквозь него.

В тот вечер, когда волка увидели впервые, граф возвращался в отель. Нулла сидела с ним в машине. У входа дорогу перегородили трое пьяных.

– Убирайся в свою преисподнюю! – крикнул один.

Граф вышел. К нему подбежал волк, встал впереди, не шевелясь. Поднял голову и посмотрел на людей страшным человеческим взглядом – холодным, осмысленным.

Мужики открыли рты – и не смогли сказать ни слова.

Граф вернулся в машину.

– Поехали, – сказал он.

А трое остались стоять под фонарём. Немые.

Потом в городе стали видеть карлика – но только в отражениях. В зеркалах автомобилей, в стёклах очков, в оконных стёклах. Там, где мелькал его силуэт с длинными, до земли, руками, случались беды.

Бабу Марусю, которая вопила на рынке: «Граф – нехристь!», нашли мёртвой на огороде. С открытыми глазами и застывшим ужасом на лице. А по огороду – волчьи следы.

Гущин не следил за слухами – он в своей квартире заканчивал третьего лебедя. Под утро вышел на балкон. Небо над Углеславом было тёмно-свинцовым, почти цвета угольной пыли. Посреди него висела ровная половина луны.

Гущин прикурил сигарету, затянулся и прошептал:

– Господи, когда же это кончится?..

Ему никто не ответил. Только далеко за терриконами, в промзоне, страшно и протяжно завыл волк. Хотя волков в городе никогда не было.

7. День шахтёра

Наступил День шахтёра, к которому и был приурочен карнавал.

Заинтригованный объявлениями о карнавальном шествии – на телевидении, по радио, в соцсетях, с плакатов на каждом углу – народ с полудня повалил на улицы. Семьями: радостные дети с шарами и флажками – как на параде, за ними – родители (многие уже слишком весёлые, явно отметили праздник заранее), пары, одинокие зрители. Воздух пах жареным шашлыком, сладкой ватой и попкорном. Громко играла музыка, люди переговаривались, смеялись. Все ждали чуда... и оно, казалось, уже было рядом.

Замысел оргкомитета был таков: районные колонны должны были пройти по своим центральным улицам, погрузиться на платформы, а потом, координируемые Ильичёвым и Гуциным, съехаться на проспект Ленина в одну мега-колонну и торжественно войти на стадион «Олимпийский». Там из президентской ложи VIP-сектора их поприветствуют мэр, граф, губернатор, звёзды эстрады и высокие гости из Москвы.

Ильичёв и Гуцин за последнюю неделю превратились в тени самих себя: осунувшиеся, с тёмными кругами под глазами. Они почти не спали. Гуцин по ночам ваял лебедей; Ильичёв, возвращаясь домой за полночь, ворочался до утра, прокручивая в голове бесконечные проблемы. Мэр непрерывно обрывал им телефоны, требуя, чтобы было как в Рио.

– И без единой задоринки! – орал он в трубку. – У меня будут люди из министерства! Друзья графа из Техаса! Землячество! Случится хоть одна заминка – головой ответите!

Утро началось с катастрофы. Пятиметровые лебеди Гуцина оказались невероятно объёмными, они физически не пролезали в дверь квартиры, где он их создавал.

Гений папье-маше стоял посреди разорённой комнаты и тупо смотрел на гигантские белые изваяния. Жена метала на него злобные взгляды, а дети пытались оседлать шеи лебедей.

Ильичёв, прибывший на подмогу, вызвал пожарные машины с вышками, надеясь вытащить их через окно. Но и оконные проёмы оказались недостаточно широкими. Всего на пять-шесть сантиметров!

– А, ломайте раму! – с отчаянием сказал Гуцин подоспевшим спасателям, буквально выталкивая детей из комнаты. Жена, бледная и дрожащая от негодования, тут же вышла. Через несколько секунд из кухни зазвенел пузырь с валерьянкой.

Пожарные топорами высадили оконные рамы, разворотив и бетонный проём. Тёща Гуцина зашлась в истошном крике, глядя, как стена её дома превращается в зияющую дыру. Лебедей спускали на верёвках под улюлюканье собравшейся внизу толпы. Когда величественных птиц закрепили на грузовиках, зеваки дружно зааплодировали.

Затем посыпались другие неприятные новости.

Костюмы из перьев для студенток Ленинского района, которые шились ночью, по ошибке увезли на склад Пролетарского. Ильичёв лично мчался туда, перенаправлял машины, матерно ругался с экспедитором. Костюмы вернули, испуганные студентки переодевались прямо на улице за десять минут до старта.

Сломался головной автобус с хореографическим коллективом ДК «Шахтёр». Полсотни девушек в ярких юбках стояли как... эти самые на обочине. Ильичёв выбивал резервный транспорт, угрожая директору автопарка ужасными проблемами.

Но самый абсурдный случай произошёл с платформой «Цыганский табор», которую готовил литейно-механический завод.

Ильичёв лично контролировал выезд. Ворота цеха открылись, и оттуда медленно выполз грузовик, задекорированный багрово-чёрным бархатом. На крыше кабины был смонтирован огромный, продолговатый металлический ящик.

Директор завода, стоявший рядом с Ильичёвым, резко побледнел и выронил сигарету.

– Кто умер?.. – хрипло спросил он. – Это что за херня на кабине? Это... это гроб?! Какой идиот поставил?!

Директор бросился к грузовику, отчаянно замахав руками:

– Тормози! Стой, мать твою! Почему гроб на крыше?

Водитель остановился, высунулся из окна.

– Это не гроб. Это цыганская люлька!

– Какая, к чёрту, люлька! Это гроб! Нас же мэр живьём в асфальт закатает!

Директор трясущимися руками набрал Рыбакова. Мэр, услышав про гроб, едва не лишился чувств, но стоявший рядом Гуцин стал объяснять:

– Василий Владимирович, спокойно! Мы же всё проговорили уже. Это не гроб, это люлька в стиле традиционного цыганского барокко! В ней по сценарию должны сидеть двое артистов с гитарами! Чёрный и красный – это цвета страсти, вспомните оперу «Кармен»! Граф лично согласовал!

Директор завода, слышавший Гуцина, недоверчиво посмотрел на цыганскую платформу, потом на Ильичёва (тот кивнул), плюнул и махнул рукой: «Хрен с вами».

– Едь, – отпустил он водителя.

В это время граф Тинебрас спокойно сидел в своём люксе в «Гранд-Отеле». Он не вникал в проблемы с автобусами, не следил за графиком отправления-прибытия колонн. Он пил свой чёрный, как смола, кофе, который варила Нулла, и с загадочной, сытой улыбкой смотрел в окно, всматриваясь в лица людей, будто читая их мысли.

8. Карнавал

Трибуны стадиона «Олимпийский» были забиты до отказа. Пятьдесят тысяч углеславцев в пластиковых козырьках с надписью «Карнавал» ждали чуда.

Кондиционер президентской ложи работал на полную мощность, но мэр Рыбаков чувствовал, как пот скатывается по виску, а рубашка под мышками промокает. «Неужели я так нервничаю?» – удивился он. Важные гости, по их уверениям, не испытывали никакого дискомфорта. Рядом с бесстрастным взглядом в безупречном фраке восседал граф, с ним – ослепительная, но холодная, как снежная королева, Нулла в платье-хамелеоне: в тени оно выглядело траурно-чёрным, а на солнце вспыхивало солнечно-белым. Чуть дальше сидел губернатор. На губах его играла едкая ироничная улыбка, мэр заметил, как тот то и дело бросал на графа короткие, острые взгляды. А на стадион смотрел с явным недоверием. «Серьёзное дело затеял ты, Рыбаков, – казалось, говорил весь его вид. – Сам не знаешь, какое серьёзное... Ну что ж, посмотрим, чем оно кончится». За губернатором расположились московские гости с тяжёлыми золотыми цепочками на шеях и швейцарскими часами на руках и два соотечественника графа в ковбойских шляпах. Один из них нагло дымил сигарой, игнорируя знак, запрещающий курение.

Рыбаков верил, что через считанные минуты вспыхнет путеводная звезда его будущей карьеры. И люди словно это почувствовали: за один день он услышал столько искренних комплиментов, сколько не выпадало на его долю за все десять лет работы мэром.

– Едут! – передали по рации.

На беговые дорожки стадиона выехала первая карнавальная машина – колонна Ленинского района. Загремели динамики, забили барабаны. Колонна пошла делать первый круг, приветствуя трибуны, а те отвечали бурными овациями и дружными выкриками: «Браво!»

Колонна Ленинского района сделала второй круг... Пошла на третий...

Рыбаков нахмурился и схватил телефон:

– Ильичёв! Где вторая колонна? Где Кировский район?

На трибунах раздались смешки, затем – откровенный смех и свист. Колонна пошла на четвёртый круг...

– Василий Владимирович! – почти выкрикнул в трубку Ильичёв, голос его дрожал от отчаяния. – ЧП! Лебеди... Эти проклятые лебеди Гущина! Они слишком большие! Их шеи выше, чем въездные ворота стадиона! Машина стала под аркой, застопорила всё движение, головы лебедей упёрлись в бетон! А сзади затор из тридцати машин!

Граф медленно повернулся к мэру:

– Проблемы, сеньор мэр?

– Машина с лебедями... Она застряла у арки... Головы не проходят, – бледнея, ответил Рыбаков.

– Так отрубите их, – равнодушно бросил граф и отвернулся.

Рыбаков на секунду оцепенел. Как так? Головы... лебедям?... Да и кто это сделает?... И тут взгляд его упал на начальника МЧС города, сидевшего неподалёку. Точно – пожарные справятся!

– Ильичёв! – гаркнул он в трубку. – Скажи МЧС, пусть рубят головы лебедям! Повторяю: пусть рубят головы!

– Как... лебедям... головы?! – ахнул начальник департамента культуры.

– Лебедям! А кому же ещё? Пожарными топорами! Живо!

Через две минуты бойцы МЧС в брезентовых робах уже карабкались по бортам застрявшего «КамАЗа».

– Тюк! Тюк! Тюк! – гулко разнеслось под аркой.

Огромные пятиметровые шеи из папье-маше хрустнули и поникли. Из рваных ран посыпалась серая бумажная труха, похожая на опилки или сухой навоз. Один из спасателей громко выматерился, назвав лебедей проклятыми. Утром он с трудом вытащил их через окно из квартиры одного сумасшедшего скульптора.

Колонна тронулась. И перед пятьюдесятью тысячами людей предстало зрелище, которое навсегда вошло в историю города.

Впереди медленно плыли три огромных лебедя с подрубленными, безжизненно болтающимися на проволоке и бумаге головами. Обезглавленные чудовища выглядели как персонажи из ночного кошмара душевнобольного.

За ними двигалась платформа электромеханического завода. Ярко накрашенные артисты в цыганских костюмах, сидящие с гитарами в люльке на кабине, выглядели как живые мертвецы, восставшие из гроба.

Следом брели уставшие студентки. Костюмы из страусиных перьев облысели по дороге, перья торчали общипанными кустами, искусственная позолота на лицах девушек смешалась с потом и пылью. Они не танцевали – просто шли, многие несли туфли в руках.

Платформа с Петром Первым заглохла прямо перед президентской ложей, и десяток «арапов» (которыми на самом деле были студенты политеха) с громким матом толкали её вручную. Повозка гномов больше напоминала возвращавшихся со смены шахтёров, а замыкающая колонна Пролетарского района – в конце которой пират тащил упавшую с его «Фрегата» мачту – походила на крестный ход.

На трибунах воцарилась мёртвая, зловещая тишина. Пятьдесят тысяч человек замерли, глядя на это.

В президентской ложе гости перестали улыбаться. Губернатор начал багроветь, рука сжалась в кулак. Москвичи испуганно переглядывались. Американец с сигарой медленно затушил её в пепельнице и тихо спросил своего коллеги: «Is this some kind of local funeral ritual?»

Ситуацию спас ведущий. Он вышел на сцену и стал поздравлять присутствующих с праздником.

– Василий Владимирович, – сказал он потом, – просим вас выйти к нам.

9. Шахтёры

Рыбаков поспешил на сцену, где он должен был сказать речь, и услышал детские голоса с трибун:

– Мама, а почему птички без голов?

– Это кто, зомби?..

– Нас что, за быдло держат?.. – громко прогудел вдруг чей-то бас.

Из-за стадиона донёсся низкий, нарастающий гул – будто где-то рядом заработала гигантская домна. Ворота стадиона с грохотом распахнулись, оттесняя немногочисленную охрану.

На беговые дорожки наперерез «папуасам», пиратам и казакам тёмно-серой толпой двигались шахтёры. Тысяча рабочих в серых робах, с лицами, в которые въелась угольная пыль. В их руках – каски. Они шли молча, и этот ровный, тяжёлый шаг тысяч рабочих ботинок заставил бетон стадиона вибрировать.

Телефон Рыбакова вздрогнул. Звонил начальник городского УВД:

– Василий Владимирович, кто-то пустил слух, что Бендеру отдали землю под торговый центр, а все шахтёрские зарплаты вбуханы в карнавал.

Мэр почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Он обернулся к графу, ожидая поддержки, но то, что он увидел, заставило его похолодеть.

Граф Тинебрас и Нулла сидели в креслах, но их лица начали стремительно терять чёткость, словно они испарялись. Лицо графа поплыло, разноцветные глаза превратились в два мутных цветных пятна – золото и лазурь, – которые мерцали на фоне абсолютно пустой, бесцветной овальной пустоты вместо головы.

Рыбаков зажмурился, тряхнул головой, отгоняя наваждение, а когда открыл глаза – кресла оказались совершенно пусты. Граф и его спутница исчезли. Американских ковбоев и московских гостей тоже не было.

Мэр поднял глаза выше – на губернатора. Тот стоял, и его взгляд, тяжёлый и свинцовый, сверлил Рыбакова – взгляд разгневанного человека, с трудом сдерживающего себя. Рядом что-то торопливо шептал ему на ухо областной прокурор. Рыбаков понял: им всё известно...

10. Углеслав – это не Рио-де-Жанейро

Так в Углеславе закончился карнавал – толком и не начавшись.

Василий Владимирович Рыбаков исчез из города той же ночью, тихо и незаметно, оставив в рабочем кабинете недопитый остывший кофе.

А через полгода в Углеславе выбрали нового мэра. Подлатали крыши, поменяли теплотрассы – всё по старой, стандартной, малобюджетной смете. О «бразильском пришельце» в городе предпочли поскорее забыть: мало ли что привидится с перепоя в шахтёрский праздник.

А лебеди... Лебедей Гущин всё-таки подлатал и укрепил проволокой. А Ильичёв, став заместителем мэра, пристроил их в местный художественный музей. Теперь эти огромные чудные птицы охраняют вход в левое крыло. Их пятиметровые шеи больше никого не пугают – городская детвора с удовольствием лазит по ним и фотографируется на память... память о том самом годе, когда Углеслав чуть было не затмил собой Рио-де-Жанейро.

Простые люди (Рассказы)

Ворчливый гражданин

Вообще-то ворчать на жизнь – это неправильно и даже в каком-то роде вредно для здоровья. Но без этого административный работник – не работник.

Вот, к примеру, проживал в одном небольшом городишке возле Санкт-Петербурга Ефим Иванович Скрипунов. Человек не из последних – занимал ответственный пост в коммунальном отделе городской администрации. Вся чистота и порядок в городе на нём держались. Но характер имел – прямо-таки невозможный для окружающих. Ворчал с утра до вечера как завёданный.

Дворника заедал за нерадивость. На подчинённых по службе орал, что ползают как сонные мухи и срывают сроки. Даже к силам природы имел претензии: солнце ему глаза слепит, а дождик, паразит, лужи разводит. Хлеб в магазине ему был недостаточно мягкий. Супруга его, Прасковья Семёновна, тоже под горячую руку попадала – за лишнюю болтовню. Хотя женщина она была не злобная, а просто любила сама с собой дискуссии вести. Да ещё соседи, будь они неладны, шумели через стенку. Тоже не из вредности, а просто люди весёлые, бытом не отягощённые.

И от этих каждодневных претензий у Ефима Ивановича подскакивало кровяное давление.

Врач руками разводил: медицина бессильна, если человек сам себя до крайней точки доводит.

И вот в одну пятницу, сразу после сытного обеда, этот Скрипунов так разворчался по коммунальной линии, что давление у него перешагнуло всякую допустимую норму. Гримасу скривил, за сердце схватился, на стул присел – и всё. Даже рот не прикрыл.

Для прощания гроб поставили посреди комнаты. Лежит Ефим Иванович, а вид имеет до того недовольный – будто ему гроб в плечах узковат или саван груб – не из того материала, или свечки, сволочи, копят сильно.

Сослуживцы пришли, всплакнули для порядка, выпили по маленькой на поминках и разошлись. А вдова его, Прасковья Семёновна, помолчала у гроба и говорит:

– Ишь, успокоился... Тишина-то какая!

И правда, тишина стояла прямо-таки идеальная. Даже непривычно для слуха. А ведь в мировом масштабе ничего не изменилось. Соседи по-прежнему ругались за стеной, солнце жарило, дождь капал – всё шло своим чередом.

Через полгода Прасковья Семёновна вышла замуж за своего сослуживца – экономиста Романа Алексеевича – человека весёлого, немногословного, без особых претензий к жизни. В отдел посадили нового начальника – молодого, интеллигентного, который никогда не скандалил, говорил исключительно вежливо, но в проблемы особо не вникал.

Про Ефима Ивановича и думать забыли. Только старый дворник, дядя Матвей, по утрам метя улицу, иногда крякнет:

– Эх, нету на вас Скрипунова! Тот хоть и орал – но порядок был. А эти – тьфу, вроде и культурные, а на сор им наплевать.

Необычный фасон

Никогда не верьте тому, кто скажет, что петербургское метро – просто транспорт, перемещающий человеческие тела из пункта А в пункт Б. Это гигантский механизм, облачённый в гранит и мрамор, где на бешеной скорости сталкиваются человеческие судьбы. Вихрь этих столкновений, случайных взглядов и оборванных фраз наполняет туннели и залы той самой энергией, которой живёт Большой город.

Но хватит о высоком – последуем за одной девушкой двадцати четырёх лет. Имя ей Дарья. Она – офис-менеджер в торговой компании на Обводном канале.

Дарья обладала несчастной привычкой поминутно фиксировать события. В 16:59 она вышла с работы, в 18:03 – из спортзала. Почти на полчаса раньше обычного: Даня-инструктор, зараза, достал со своей «помощью» и придирами.

В 18:13 она вошла в метро на «Фрунзенской», а в 18:19... когда адский грохот возвестил о прибытии поезда на станцию «Технологический институт», в вагон вошёл ОН.

Молодой человек лет двадцати пяти, в чёрном кителе, с фуражкой в руке. Подтянутый. Все пуговицы застёгнуты. На погонах – две звезды. Лейтенант! Но не форма морского офицера приковала взгляд Дарьи. Глаза! Вот что поразило её в самое сердце. То были глаза цвета весеннего петербургского неба в ясную погоду.

Он опустился на сиденье прямо напротив.

Время остановилось.

Расстояние между их коленями составляло какой-нибудь метр – ничтожный пустяк по меркам подземной вселенной, но непреодолимая пропасть для двух душ. Ей показалось, что от него пахнет морем и той пронзительной чистотой, какая бывает только у людей, подвластных строгому уставу.

Он взглянул на неё. О, этот взгляд, от которого перехватывает дыхание! В каких-нибудь пошлых дамских романах, которыми зачитываются женщины на досуге, такой знаменует собой либо начало большой любви, либо катастрофу.

Дарья немедленно пустила в ход проверенное оружие – дежурную улыбку, отточенную годами работы в офисе.

Морской лейтенант, к величайшему её восторгу, смутился, опустил взор и принялся изучать серый, под мраморную крошку, пол вагона.

«Робеет мальчишка!» – торжествуя подумала она и картинным жестом поправила волосы.

То был классический манёвр, известный со времён Клеопатры. В Петербурге молодые женщины умеют ждать. Белых ночей – весной, солнца в декабре и, разумеется, первого шага от робких мужчин... Поезд уже нёсся к «Сенной». Часы безжалостно отсчитали пять минут. Пять минут надежды!

«Сенная площадь», – объявил диктор.

Её остановка. Дарья бросила взгляд на парня, он – на неё.

И она осталась сидеть. Сама не зная почему.

Двери закрылись. «Следующая станция „Невский проспект“», – прозвучало из динамиков.

«Может, ему нужно время, чтобы решиться, – думала она. – Дам ему шанс. До следующей. Если что – вернусь. Одна остановка, какая проблема?»

«Невский проспект».

«Плевать!» – мысленно вскричала Дарья, когда поезд начал замедлять ход. – Пусть сидит! Если он не решится сейчас, то... И ладно!» Она решительно поднялась и прошла к двери. И – о чудо! – лейтенант вскочил вслед за ней.

Сердце забилося быстрее. В её воспалённом воображении уже рисовалась прогулка по Невскому, рассказы о морских походах и чашка кофе в уютной кафешке.

Двери распахнулись, обдав её запахом нагретой резины, пыли и сырости туннеля. Она вышла на перрон, звонко цокая каблуками. Лейтенант догнал её у колонны, окликнул. Он был выше её на целую голову, и ей пришлось задрать подбородок, глядя на него снизу-вверх.

– Извините, – сказал он чертовски приятным баритоном, но слегка хрипловатым, будто накануне допоздна кричал команды с рулевого мостика. – Разрешите мне сказать вам?.. Только не сердитесь, пожалуйста.

«18:27», – облегчённо вздохнула Дарья.

Она царственно кивнула, мысленно делая выбор в кафе: кофе или капучино.

«Ну же, смелее, я сгораю от нетерпения!»

Лейтенант набрал в лёгкие воздуха и, понизив голос до интимного шёпота, произнёс:

– У вас, кажется, тенниска наизнанку надета.

Дарья посмотрела на свою грудь, плечи, и – о, ужас! Он оказался прав. Рисунок просвечивал сквозь ткань перевёрнутым, швы торчали наружу.

«Бежать!»

Хотелось провалиться сквозь гранит или очутиться обратно на «Сенной». Позор! В его глазах она выглядит последней дурой.

Но если она сбежит – потеряет его навсегда. А это катастрофа.

«Не паникуй. Возьми себя в руки! В конце концов – это просто тенниска».

Она расправила плечи, чуть вздёрнула подбородок и рассмеялась – легко, почти искренне.

– Боже, вы так напугали меня! Я уж думала, что и правда опростоволосилась. Это просто такой фасон, необычный. Правда, здорово?

Парню ничего не оставалось, кроме как извиниться и предложить проводить её. Его звали Павел. Было 18:29.

Они гуляли по Невскому, а потом сидели в кафе до самого закрытия. Время летело, а она ни разу не взглянула на часы.

Через несколько месяцев была свадьба и переезд в Мурманск. Павел так и не узнал правду. Тенниску эту он больше никогда на ней не видел. А в жизни Дарьи воцарился строжайший, почти флотский устав: выходя из дому, она проводила досмотр себя на предмет неожиданностей, способных нанести удар по её красоте или гордости.

А несчастная привычка фиксировать время прошла.

Непустяшный пустяк

В наше время принято думать, что человеческая жизнь – это какая-то грандиозная ценность. У каждого – своя психология, свои идеалы, а внутри – целый космос... Если ещё и ипотека на квартиру выплачена, и машина нестарая в гараже стоит, можно ставить знак качества. А на поверку выходит, что жизнь – штука крайне деликатная. Даже хрупкая, можно сказать. И зависит она подчас от полнейшего пустяка. Застрянет какая-нибудь мелкая кислая дрянь там, где не надо, в организме – и привет, нет человека, выносите, как мебель.

И ладно бы официальная наука в критический момент быстро на помощь приходила: манипуляцию какую-нибудь воскрешающую делала или таблетку от всех неприятностей давала, так нет же, бюрократизм развели и волокиту – без надлежащей бумажки тебя даже слушать не станут.

Хотя вот с одним знакомым моим – Антоном Пуговкиным – весьма примечательная история приключилась. Ему эта самая бюрократия, можно сказать, жизнь спасла, но, с другой стороны, чуть в гроб не вогнала. Но для полного понимания произошедшего надо всё по порядку изложить, без лишних нервов.

Привёз, значит, Антон Пуговкин свою законную супругу Полину к поликлинике. Супруге надо было больничный бюллетень закрыть – дело нехитрое, но канительное. Народу как обычно – уйма, а талончиков – дефицит. Антон сидит в своей машине и ждёт. Долго ждёт. Мессенджеры в телефоне пролистал, новости внутренние и международные прочитал, в окно на птичек поглядел – скучно. И тут он вспоминает, что в бардачке, в баночке – аскорбиновая кислота, круглые такие витамины для поднятия тонуса. Достал штучку, за щёку заложил и сосёт. Кисленько, приятно, слюна бежит. Проглотил. Вторую штучку бросил. Тоже пососал немного и решил сглотнуть.

И тут витаминка эта круглая застревает у него прямо посреди глотки. Ни туда ни сюда. Пуговкин её и так и эдак – не идёт. По спине себя кулаком приложил – нулевой эффект. Сидит плотно, будто приросла. Выдохнуть Антон ещё кое-как выдыхает, а внутрь воздух не идёт. Сидит в закрытом автомобиле и издаёт гортанный звук: «Хэ... хэ...» Очень даже неприятный для слуха звук. Тут Пуговкин соображает, что жить ему осталось от силы минуты три. Реально, финал жизни вырисовывается из-за какой-то кислой мелочи. Он выскакивает из машины и галопом бежит в медицинское учреждение.

Вбегают – и сразу в регистратуру. Там, понятно, народ стоит плотным монолитом. Пуговкин, раздвигая людей, суётся прямо к окошку. Очередь, конечно, моментально среагировала. Народ нервный, безочередных не любит.

– Куда, – орут, – лезешь, наглец? Тут люди с утра стоят, а он вперёд всех норовит! Встаньте в хвост, мужчина!

А Пуговкин и сказать ничего не может. Лицо у него уже багровыми пятнами идёт, он только «хэ» да «хэ» выдаёт и пальцем себе в кадык тычет. Регистраторша из окошка высунулась, посмотрела строго и говорит:

– Если вы глухонемой гражданин, то вам в соседнее окно. Я вашего языка не понимаю.

Пуговкин кидается к соседнему окну, а в глазах у него уже мутнеет, багрово-синий весь. Кто-то жалостливый в очереди ойкнул:

– Может, мужчине плохо? Надо ему срочно врача!

Но большинство, конечно, не поверило. Эксперты сразу нашлись:

– Какое плохо? Нарезался с утра пораньше, паразит, и хэкает тут на приличных людей. Милицию надо звать, а не врача.

Понял Пуговкин, что через эту регистратуру он и на кладбище оформиться не успеет. Бросает он очередь и ломится в первую попавшуюся дверь. А там медицинская сестра дезинфицирует помещение. И тут влетает наш задыхающийся Антон Пуговкин. Медсестра, увидав его, аж в лице переменялась от злости и как закричит:

– Это что за безобразие?! Почему без бахил?!

И давай ему на ноги из пульверизатора антисептиком брызгать. Дезинфекцию, значит, проводит. А Пуговкину уже абсолютно всё равно – бахилы, не бахилы... У него сознание тухнет, темнота наступает. Он отключается и со всей силы – бах! – падает грудной клеткой прямо на деревянный медицинский стол. Грудина у него от удара вогнулась, воздух внутри сжался, и – хлоп! аскорбинка из горла как пуля вылетела и резво так по паркету поскакала. Медсестра в столбняке – только пульверизатором брызгает в пустоту.

Пуговкин полежал секунду, чувствует – кислород пошёл в лёгкие. Чистый восторг! Голову поднимает и говорит с облегчением:

– С-спасибо.

Встал и вышел на свежий воздух. А медсестра так и осталась стоять в полном недоумении: зашёл какой-то безумный гражданин без бахил, грохнулся со всего размаху грудью на стол, прохрипел «спасибо» и удалился. Чего заходил – абсолютно непонятно. Даже направление не показал.

Пуговкин сел обратно в машину, на солнце любитесь, дышит во всю грудь. Тут и супруга его выходит, довольная, с бумажкой по всей форме.

– Ну, всё, – говорит, – закрыла больничный. Завтра на работу идти. А ты, наверное, совсем заскучал в машине-то?

Антон посмотрел на неё и слегка охрипшим голосом говорит:

– Да уж. Прямо не знал, куда деваться от скуки.

Чудное явление в вокзальном буфете

Когда хорошие люди едут в столицу за лучшей жизнью и достойной зарплатой – это и для них шаг вперёд, и для страны в целом польза. Москва – город прогрессивный и деловой, говорят, там уже и курьеров днём с огнём не сыщешь: всё делают роботы. И пищу возят, и письма доставляют; по земле ровером, по воздуху дроном – просто фантастика!

Вот и Витька Тарасов решил туда податься.

Собрал он свой старый чемоданчик, подклеил его скотчем для крепости и созвал друзей и подруг прощаться. Мол, может, уже и не свидимся, потому как еду ковать себе счастье в столице, даст бог – там и останусь.

Друзья и подруги, конечно, пришли. Как не прийти? Можно сказать, близкий человек в дальний путь укатывает, может, его там москвичи в первый же день в авантюру втянут. Надо же ему напутствие дать.

Настроение сначала было очень даже конструктивное и программа – культурная. Пили за монетизацию Витькиного кармана. Давали советы. Закусывали колбасой и сыром. Колбаса, надо сказать, довольно упрямой оказалась – цеплялась за оболочку крепко. Но друзья не унывали, спокойно жевали с оболочкой, даже не ругаясь.

После третьей бутылки Витькин чемодан стал казаться лишним предметом в интерьере. Друг его, Вася – не разлей вода – даже всплакнул, мол: «Как ты, Витёк, там с москвичами будешь дела делать? Обманут тебя в два счёта. Они ж такие ушлые!»

– Ничего, – хлопает его по плечу Витя, – прорвёмся... как-нибудь.

Двинули на вокзал. Сели в трамвай. Ехали шумно. Сначала с песнями, затем с рыданиями. Барышни, знаете ли, существа нервные – им бы только плакать. До поезда ещё час, а у них уже тушь смылась, щёки в серых подтёках, будто Витька не в Москву отправляется, а на съедение диким зверям.

Чтобы унять душевное беспокойство, зашли в вокзальный буфет. Буфетчица, личность мрачная, неразговорчивая, молча выдала им «Царскую» и бутерброды с колбасой, которая, судя по цвету, осталась у неё ещё с советских времён.

Куда только подевалась колбаса серо-зелёного цвета под «Царскую»... Десяти минут не прошло, а бутылка и тарелки были пустыми.

Передали прибытие.

Началось массовое прощание. Друзья Витьке руку жмут, обнимают. Девушки целуют, воют в три ручья. Витька, как главный герой, стоит бледный, в левой руке чемодан. Вид имеет крайне растерянный. И тут как зарывает, выдаёт:

– Не поеду!

Они взяли его под локти:

– Нет, брат, так не пойдёт! Мы ж на то и друзья, чтоб в трудную минуту поддержать.

И тянут на перрон, а он вырвался – и в буфет. Они снова схватили его, да покрепче.

Тут машинист подал свисток.

Он вырывается, они тащат. У вагона суета.

Проводник кричит, мол, граждане пассажиры, рассаживайтесь, провожатые, покидайте вагон. Друзья Витьку в вагон буквально втиснули.

Поезд дёрнулся, разогнался и понёс Виктора к светлой московской жизни.

Остались друзья и подруги на перроне в полном душевном расстройстве. Чувствуют – опустела планета. Чтобы как-то заглушить эту космическую пустоту, решили вернуться в буфет. Взять ещё «Царской».

Заходят. В буфете дымится кофейный аппарат, пахнет несвежей селёдкой и... разлукой. Садятся за тот же стол... И тут у них лица перекосятся.

Смотрят – за столом сидит человек. Лицом – вылитый их Витька. И рубашка на нём Витькина.

– Виктор? – шепчут, бледнея до синевы. – Ты это или дух бесплотный? Или мы уже до такой степени напровожались, что у нас галлюцинации начались?

А «галлюцинация» поднимает голову и говорит довольно сердито:

– Никакой я не дух, а Витя Тарасов. Решил остаться.

Тут девушки, которые только что глаза от слёз вытирали, как заорут от радости! Одна даже Витьку сумкой огрела – от избытка чувств.

– Подождите, – останавливает их Мишка Котов, – а кого тогда я в вагон впихнул?

Тут только они увидели, что Василия не хватает.

Кинулись на перрон, а поезда уже и след простыл.

Так что в Москву вместо Витьки в ту ночь Васька уехал. Решили, что это знак судьбы. Допили они всё, что было, и пошли домой.

А Василий, между прочим, в Москве неплохо устроился. Работу нашёл, женился. Зазывал Витьку: приезжай, мол, за чемоданом, да тот упёрся, не хочет.

Мораль такова: удача улыбается не тому, кто остался в вокзальном буфете, а тому, кого вовремя впихнули в вагон.

Нервная профессия

Время какое-то настало странное – все люди нервные. Какую профессию ни возьми – везде проверка на прочность и трепание человеческих нервов.

Признаться, я до недавнего времени питал гордую иллюзию, что у меня самая, можно сказать, ядовитая должность на земле. Я – строительный прораб. С рабочими кадрами, знаете ли, никакого здоровья не напасёшься, особенно если эти кадры приезжие. Это отдельный менталитет, языковой барьер и полное невладение чертежами. Но один случай напрочь подорвал мой авторитет по вредности в собственных глазах.

Супруга моя, Нина, к лету округлилась до крайней степени. Девятый месяц – не шутка! И вот в один прекрасный день возвращаюсь я домой с работы, еле на ногах стою, а она заявляет мне без всякого уважения к моей усталости и намерению съесть тарелку супа:

– Всё, Вася, кажется, сдача объекта намечается досрочная. Вези меня к Валентине в родильное.

Валентина – это наша соседка по лестничной клетке, хорошая женщина и по совместительству акушер-гинеколог. Звоню ей по телефону:

– Нина требует, чтобы я её к тебе в роддом вёз.

– Дай, – говорит она, – трубку супруге.

Передаю трубку Нине. Пошептались они о своих интимных подробностях, и Валентина командует:

– Вези, Василий, супругу ко мне в родильное. Как раз моя смена, оформим быстро, обойдёмся без очередей и бюрократизма.

Прибыли мы в роддом. Чистота там, как в фармацевтической лаборатории. Я эти лаборатории видел, Нинка моя – фармацевт. Стерильность, кафель, белые стены – всё блестит. И тут у моей супруги начинается закономерная паника. Вцепилась в рукав: «Не бросай меня, Вася, стой рядом, мне без тебя рожать страшно».

А как «рядом»? Я, конечно, не в сапогах и не в куртке, от которой цементом и краской за километр несёт, но всё же прямо со стройки примчался. Тут один мой вид нарушает всю медицинскую санитарию. Я смотрю на Валентину, та – на меня. Но она – женщина сообразительная, моментально нашла выход из тупика.

– Ладно, – говорит, – мой коллега сейчас в отпуске. Надевай, Вася, его белый халат. Будешь маскироваться под врача. Так оно и супруге спокойнее, и инструкции не нарушим.

Накинул я этот халат. Иду по коридору – все со мной здороваются, почтение оказывают. Ну и я киваю с важным видом.

Завели нас в родильный блок. Там два зала, смежные, для удобства маневрирования медицинского персонала. Валентина принялась мою Нину обследовать, а мне велела в соседнем зале ожидать, чтоб я не мешал.

Стою в том зале, халат пальцами перебираю, нервничаю. Вдруг вбегает девица с огромным животом в ситцевом халате. С охами и ахами взгромождается на гинекологическое кресло и косится на меня так, будто я лично виноват в этом её положении. «Ну, – думаю, – стесняется, наверное», и как человек деликатный, к тому же женатый, отвернулся к окну, чтобы не смущать её.

А она и выдаёт:

– Доктор, я, кажется, рожаю.

У меня внутри всё похолодело. Сказать ей прямо: «Не доктор я, а прораб. По строительным работам специалист» – нельзя. Валентину подставляю под разоблачение и, не дай бог, ещё служебное взыскание. Человек она хороший, отзывчивый и соседка добропорядочная.

Я и говорю строгим медицинским голосом:

– Извините, женщина, не моя смена. Сейчас придёт ваш доктор и осмотрит вас. А я... я доктор по другим делам.

И боком, боком – к Валентине в соседнюю комнату. Шепчу ей на ухо: «Там девица влезла на кресло, требует врача, говорит: „рожаю!“» Валентина мне, не прерывая осмотра, объясняет:

– Такое бывает. Это у кого нервы слабые, чуть что – сразу бросаются в панику. Прибегают, кричат «караул, рожая!», а потом ещё неделю лежат – и никаких родов... Сними её с кресла, пусть ложится на кушетку. Скажи, рожать ещё рано. А доктор сейчас закончит осмотр в соседнем зале и придёт.

Вернулся я к пациентке. Снял с верхотуры, уложил. Инструкцию выполнил в точности, как по технической карте. А она лежит и вдруг краснеет, а потом синееет:

– Доктор, начинается!

Я глянул туда, куда обычно не смотрю, но доктора смотрят... Мать моя женщина! Сначала подумал – физиология у неё какая-то особенная, волосатая. А потом присмотрелся – батюшки, да это же реально маленькая человеческая голова прёт наружу!

Я с низкого старта – обратно к Валентине. Волосы дыбом, халат развеивается.

– Она рожает, – выдыхаю, – уже макушка показалась.

Валентина мою Нину бросает, зовёт персонал и летит туда, к роженице. Санитарки с вёдрами повыскакивали, крики, суета, нервная обстановка. В общем, совместными усилиями выдали новому человеку путёвку в жизнь. В итоге – хеппи-энд и полное торжество медицины.

И тут из первого зала – бац! Моя Нина подаёт голос. Она, видно, решила не отставать от коллектива. А про неё ж в этой кутерьме напрочь позабыли. Сознаюсь, забыл даже и я, законный супруг! Бежим с Валентиной к ней. Персонал – за нами. Навалились коллективом, ассистируют... Родила! Младенец орёт, Нина плачет от счастья. У меня от волнения сердце колотится, как пневмомолот. А она меня за руку взяла – и не отпускает. Смотрим друг на друга и радуемся.

Валентина швы накладывает, дело житейское. И мне в запале суёт упаковку:

– Держи нитку!

Ну, я держу, мне не трудно, я на стройке иногда и с проводами, и с кабелями дело имею. А стоявшая рядом медсестра всё кидает на меня косые взгляды. Валентина нить резанула ножницами и говорит:

– Всё, папаша, свободен. Ступай домой, отдыхай.

Медсестра аж рот открыла:

– Папаша? А я думала, вы доктор...

Вот, оказывается, как я замечательно замаскировался.

Приехал я в свою пустую квартиру, налил полный стакан благородного коньяку – и махом его опрокинул внутрь организма. Руки, знаете, ещё часа три ходуном ходили, как у заправского алкоголика.

Нет, на стройке оно как-то спокойнее. Там, если что-то на голову упадёт, – это понятный несчастный случай по технике безопасности. Каску надевай! А в медицине какая техника безопасности? Сплошная лотерея и никакого уважения к нервной системе.

Белая ночь

1

Петровым повезло с соседями, а это бывает не чаще, чем встретить на Невском африканца в шапке-ушанке. Обычно в многоквартирных домах жильцы подбираются – чистая дрянь: стены сверлят, песни кричат, воду на голову льют. Но тут прямо подфартило. Соседи Тукины оказались спокойные и культурные. Михаил – инженер, Инна – кассир в театре. Иногда вместе чаёвничали, иногда вместе выгуливали собак: Тукины – породистого кобеля Графа, Петровы – беспородную Жучку. Так и жили по-соседски: люди относились друг к другу с симпатией, а животные – с холодным уважением.

Случилась как-то необычайно приятная белая ночь. Тепло было на дворе, тихо. Вышли Петровы и Тукины гулять с собаками. Ходили до полного одурения, уже и глаза стали слипаться, будто клеем намазанные, и собаки стали виснуть на поводках. Приходят домой, прощаются у дверей. Сунул Петров ключ в замок, а тот – клац! – и заклинил. Ни вправо, ни влево.

А соответствующие ремонтные службы уже на отдыхе. Он – к Тукиным, за инструментом. – Сейчас сделаем! – Тукин выносит саквояж с инструментами.

Навалились вдвоём: один ножи и отвёртки в дверь суёт, а другой плечом напирает. И, разумеется, оттого, что не получается, ругаются матом, хоть люди и культурные по жизни. А жёны их чай заваривают и то и дело выглядывают в коридор и спрашивают:

– Ну как?

– Ну что?

– Не выходит?

А те только громче ругаются.

Полные полтора часа Петров и Тукин эту дверь ножами и отвёртками терзали. Женщины уже весь чай выпили и второй раз заварили.

Замок изготовлен был по всем швейцарским стандартам, а там во взломах толк знают – сколько банков! В общем, ничего не вышло – хоть дверь выбивай.

Устали мужики, спать хочется. Не знают, что делать. Сели чай пить, ну и ещё кое-чего покрепче – для восстановления душевного равновесия.

– Хорошо хоть завтра выходной, – говорит Петров. – А то если б на работу утром – вообще печаль.

– Я вот что думаю, – чешет затылок Тукин, – надо вам у нас ночевать. Завтра уже мастера вызовем.

Так и сделали.

Выделили Петровым диван – у Тукиных квартира большая. Одно плохо – сделана студией. Никаких межкомнатных перегородок, кроме туалета и ванной. А в квартире – полный зоосад. Два кота, пёс, попугай и ещё рыбки в аквариуме. А тут ещё и Жучка прибавилась.

Только потушили свет – разгорелся межвидовой конфликт: коты со шкафа шипят, собаки снизу гавкают. В общем, коммунальный ад в отдельной жилплощади. Прыгают прямо на людей, спать совершенно не дают.

Остаётся один выход – вынести диван прямо на лестничную площадку. Так и сделали. Тихо, чтобы соседей не разбудить, вынесли диван, собаке тряпку постелили. А чего нет? Там и тишина, и прохлада, и спокойная атмосфера.

2

Слева на этаже жил Сидоров. По профессии сантехник, но по призванию – алкоголик.

Пил он часто и метко – до победного конца. А победный конец наступал тогда, когда Сидоров засыпал в положении, которое анатомы называют неестественной изгибаемостью позвоночника.

В ту ночь Сидоров выпил бутылку горькой, которую получил за починку крана в морге. А как же не выпить, если соседями у тебя были десятки трупов?

Заснул он неизвестно когда – было светло, и проснулся непонятно когда – солнце всё ещё на небе.

Посмотрел на часы – стоят.

– День или ночь? – спросил Сидоров сам себя.

Не ответил, потому что не знал.

Выходит Сидоров на лестничную площадку – бац! Лежат тела, укрытые простынями, и белые пятки наружу торчат. Мозг у Сидорова, утонувший в горькой, моментально пошёл дымком.

– Караул! – закричал Сидоров нечеловеческим голосом. – Трупы!

Петровы со страху вскакивают, со сна ничего понять не могут:

– Где трупы?

Тут и Тукины выскочили, коты из квартиры вылетают, собаки лают. Начался такой катаклизм – чистый «Последний день Помпеи», только без вулкана, но с диваном. А тот вдруг переворачивается, и все падают.

Сидоров задом летит прямо в заклинившую дверь.

И что вы думаете? Дверь, которую полтора часа инженеры с отвёртками и молотками штурмовали, от удара спины квалифицированного сантехника весом в восемьдесят килограмм распадается настёж! Вот она, грубая сила природы.

Сидоров встал, рубашку поправил и говорит с глубоким недоумением:

– Вы, соседи, – говорит, – совсем головой тронулись. Квартиры вам мало, валяетесь на лестнице, как беспризорные. Тьфу на вас.

Махнув рукой, он ушёл – так и не узнав, сколько времени.

Утром пришёл мастер и за пять минут разобрал и собрал замок.

– Это не поломка. Пружинка заскочила не туда, – сказал он и протянул руку. – С вас тыща рублей.

Да, повезло Петровым с соседями: и диван на ночлег предоставят, и дверь откроют.

Подкаблучник (Рассказ Афанасия Бадуркина)

Что я вам скажу, дорогие мои... Семейная жизнь – она как те устрицы. Все орут, что деликатес, а на деле – и дорого, и на вкус как сопли, и вечно песок хрустит на зубах.

Сознаюсь, я – не подарок. Чуть что не так – амбиция в башку ударяет, и всё, понесло. Но и у Маши моей тоже характер. И нервы не железные. Дружки мои, дай им бог здоровья, всё надо мной глумились, чисто по-товарищески так:

– Ты, Афоня, подкаблучник! – говорили. – После работы будто по расписанию: борщ идёшь кушать домой. Пиво с нами не пьёшь. И вечером только стрелка на девять – ты, как тот пенсионер, уже чешешь домой. Поздно тебе.

А я отбивался тем, что просто люблю уют и домашнюю обстановку. Ну, диван там, тапочки, телевизор... Потому что идеальный семьянин.

Пока однажды коса не нашла на камень. Взыграло во мне, понимаешь, мужское самолюбие. Решил я, Афанасий Петрович Бадуркин, показать Марии, кто в доме главный стратег и гегемон. Вышел из себя – аж петухом раскричался. А её тоже бог голосом не обидел: такой крик подняла, что жильцы с третьего этажа начали в батарею центрального отопления колотить. Мол, прекратите концерт, «Поле чудес» не слышно.

А из-за чего сыр-бор? Да пёс его знает. Мелочь какая-то, тьфу, дрянь копеечная! Как обычно в жизни бывает: раздуется пожар с чего-то, а к концу уже и не помнишь, с чего всё началось.

Помню только финал:

– Уходи... к чёртовой матери! – отрезала она. – Видеть тебя не могу!

И тут кто-то из самой глубины внутри меня как взбрыкнёт. «Мужик ты или не мужик?» – строго спрашивает он меня. И, знаете, я ответил ему утвердительно. Хлопнул дверью и ушёл в чём был. Всё оставил: и квартиру, и мебель, и любимую фаянсовую кружку с надписью «Лучшему рыбаку». Даже ключи от машины с комода не взял – пусть ей всё будет! Свобода, думаю, дороже!

Да, никогда я ещё таких коников не выкидывал, но тут – всё само собой получилось. Показать характер захотелось.

Снял я однокомнатную квартиру в Купчино. Деньгами не поскупился – отвалил тридцать тысяч рублей за месяц, главное, чтобы домой не возвращаться. Но квартира, надо признать, была ничего: возле метро, светлая и довольно-таки большая для одного. Только настроение – хуже некуда. Полный упадок духа, хоть вой. С горя позвал я дружков. Дескать, заходите, ребята, обмоем мою холостяцкую жизнь. Ну, выпили, конечно. На следующий день друзья опять приходят – поддерживают товарища в трудную минуту, не бросать же одного. Потом ещё пришли. И втянулся я, понимаешь, в эту культурную традицию.

Машка – гордая, как индюк. Не звонит, не мирится. Ну и я из принципа – тоже не звоню. Ждём, у кого первого нервы сдадут. Как два барана на мосту.

А друзья уже как в кабак какой-то приходят. Каждый божий день у меня пьянка, гулянка и знакомство с интересными женщинами. А барышни ко мне шастали – закачаешься!

Лариса – эта всё интимно утверждала, что в прошлом была балериной в Александринском. И в доказательство – прямо как была в юбке – садилась на продольный шпагат посреди комнаты. Я, честно говоря, каждый раз глаза закрывал – мало ли что там порвётся.

Маруся – серьёзная девица, диспетчер в автобусном парке. Эта, представьте, знала наизусть расписание всех маршрутов, включая пригородные. Мы сидим, выпиваем, а она: «Следующий автобус до Пушкина через четырнадцать минут». Сильно поражала подпивших гостей.

Татьяна – та замечательно пела. Одно плохо – слов не знала.

От такого темпа жизни я, конечно, сильно сдал. Недосыпал серьёзно. Круги под глазами – размером с дно стакана, а на щеке красовался синяк – это я с Ларисой страстное танго изображал и не рассчитал траекторию полёта через венский стул.

А Машка, конечно, обо всём этом безобразии не ведала. Сидела себе в печальной тишине, по телевизору глупые передачи смотрела, пельмени варила. И думала: «Афонька, небось локти себе кусает от горя. И правильно. Пусть пострадает немного...»

Так прошло три месяца.

И вот иду я как-то по Балканской улице. Тащусь еле-еле, глаза как в тумане. Голова гудит, словно чугунный котёл, а ноги тяжёлые – будто к ним по пудовому ядру привязали. Глянул на себя в витрину магазина и обомлел: волосы дыбом, морда вытянутая, бледный – хоть в гроб клади.

И вдруг – Мария. Навстречу чешет. В синем платье – в том самом, которое я ей на Восьмое марта подарил. Помню, ещё продавщица в магазине сказала: «Берите, мужчина, вашей жене очень пойдёт. Оно фигуру подчёркивает». И ведь не соврала, зараза...

– Здравствуй, Афанасий, – говорит она довольно-таки тихо.

– Здравствуй, – отвечаю, а сам за столб держусь, чтобы не упасть.

Она на меня посмотрела и прямо ахнула.

– Что-то ты, Афоня, на себя не похож. Плохо выглядишь. Переживаешь, что ли?

Я опустил глаза. И по лицу моему, надо думать, прошла тихая, тяжёлая грусть.

– Переживаю, Маша. Страдаю прямо-таки нечеловечески. Сердце кровью обливается.

Она так пристально посмотрела на меня:

– Всё ты врёшь, – устало вздохнула. – Я ведь серьёзно.

Повернулась и пошла.

– Так и я серьёзно! – крикнул я ей вслед. Но она даже не обернулась.

А я гляжу ей в спину и недоумеваю. Что я не так сказал?

А у Машки, видно, женская душа дрогнула, хоть она и не повернулась. Шла ровно, спина прямая, плечи чуть вздёрнуты. Но в сознании у неё, наверное, стояла картина: как она кричит непонятно из-за чего, как тарелку об пол разбила, как подушку слезами мочила. И какая тишина и пустота в квартире наступила. «Может, – думала она, – и вправду иссох Афонька от любви и раскаяния».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.